

Елена Семека

ИСТОРИЯ СЕМЬИ
Моя Родословная

ЕЛЕНА СЕМЕКА

ИСТОРИЯ СЕМЬИ
МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Редакция Галины Габай-Фикен и Сергея Кана

БОСТОН • 2023 • BOSTON

ЕЛЕНА СЕМЕКА

История семьи. Моя родословная

Редакторы: Галина Габай-Фикен и Сергей Кан

ELENA SEMEKA

My Family History. My Ancestry

Edited by Galina Gabai-Fiken and Sergei Kan

Copyright © 2022 by Elena Semeka

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1960533142

Library of Congress Control Number: 2023944506

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

✉ mgraphics.books@gmail.com

🌐 mgraphics-books.com

In cooperation with Bagriy & Company | Chicago, IL

✉ printbookru@gmail.com

🌐 www.bagriycompany.com

Book Design by Yulia Timoshenko © 2023

CoverDesign by Larysa Studinskaya © 2023

При подготовке издания использован модуль расстановки переносов русского языка ВАИ™ (www.batov.ru)

Printed in the United States of America

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
СЕМЕКИ	11
Были когда-то и мы казаками	22
Serendipity 1.	94
РОШАЛИ	
Serendipity 2.	108
Письма бабушки (мамы Сони) дочери Люсе (моей маме)	124
История рода Рошалей	177
МОИ РОДИТЕЛИ. СЛЕДУЮЩЕЕ ПОКОЛЕНИЕ, ТОЖЕ УЖЕ УШЕДШЕЕ	
Отец.	250
Мать	312
ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА	
Начало	350
МГПИ и ФБОН	353
Институт востоковедения и Юрий Николаевич Рерих.	357
Тартуско-московская семиотическая школа	381
Правозащитная деятельность	386
Отъезд из СССР.	395
Жизнь в Америке	400

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга содержит много сведений о жизни Елены Сергеевны Себеки, моей мамы. Тем не менее это не автобиография, а, по её собственным словам, история семьи, или родословная. Начинаясь в далёком прошлом, мамино повествование обрывается где-то в 1960-х гг., несмотря на то что после этого она прожила ещё десяток лет в России и почти полвека — в США. Именно поэтому я решил, что мой рассказ о той части маминой жизни, о которой она рассказывает так мало в этой книге, будет «последней главой» самой книги, а не предисловием или даже послесловием к ней. Я надеюсь, что, прочитав мамину книгу, читатели обратятся и к этой главе, чтобы побольше узнать о жизни этого замечательного человека.

Жизнь её была долгой и наполненной бурными событиями. Было в ней немало трудных и печальных моментов, но было и множество интересных встреч, счастливых дней и самых разных успехов. Эта была жизнь серьёзного учёного и педагога, принципиального и смелого гражданина, красивой, умной и интеллигентной женщины, которая любила страстно и была очень предана своим друзьям и родным. Во время работы над этой книгой мама страдала от разных физических недугов и периодически повторяла, что «люди так долго жить не должны» и тут же добавляла: «Но ведь жизнь такая интересная вещь, и так хочется узнать, что же будет дальше». При всём этом она не переставала работать, и эта книга, её последняя работа, тому подтверждение.

Мама начала писать эту книгу ещё в конце 2000-х, но особенно вдохновило её на этот большой «проект» посещение в 2011 году могилы прадеда, похороненного под Парижем. Желание поделиться своими воспоминаниями и поисками с внучкой (а может быть, и последующими поколениями нашего семейства?) тоже сыграло свою роль в том, с каким энтузиазмом и упорством взялась она за эту работу. Надо сказать, что подо-

шла она к ней как серьёзный учёный, который всегда стремился досконально изучить тему своего исследования. Как пишет она сама в этой книге, «В связи с характером моих многолетних занятий древними рукописями и старинными документами у меня выработалась привычка дотошно изучать в них все и всякие мелкие подробности, имеющие или, на первый взгляд, не имеющие существенного значения для сути сообщаемых в них фактов». Особенно подробно она изучила историю своих украинских предков по отцовской линии, а также свои еврейские корни по материнской. По ходу работы она много читала на эти темы и упорно «прочёсывала» интернет, где нашла немало интересных фактов. Некоторым читателям, возможно, покажется, что в этой книге перебор с историческими деталями, но таков уж был мамин подход к любому исследованию, будь то история Цейлона, семиотика русских литературных произведений или салон Мадам де Сталь.

Изучая детали истории семьи Семек, она испытывала смешанные чувства: гордость за их храброе поведение на поле боя, успехи на педагогическом и научном поприще, высокую культуру были смешаны с неприятием того, что многие из её предков участвовали в колониальном покорении и порабощении нерусских народов Российской империей. Особенно возмущала её политика России по отношению к украинской культуре, языку и суверенитету. Эти чувства особенно усилились, когда путинский режим начал войну против новой независимой Украины. У мамы было такое ощущение, будто повторяются (в ещё более ужасном варианте) события её молодости, когда она испытывала острое чувство стыда за свою страну, которая ввела танки в Чехословакию.

Двойственное чувство испытывала она и к русской интеллигенции, в ряды которой постепенно влились Семеки. Снова чувство гордости за их благородство и моральную чистоту смешивалось с глубокой грустью по поводу безвозвратного ухода людей, которых она так часто называла «осколками разбитого вдребезги» и которые так напоминали ей любимых героев «Белой гвардии» Булгакова. Кроме того, она осознавала, что дореволюционная российская интеллигенция со своими идеями и идеалами несёт определённую ответственность за трагедию, произошедшую с её страной после 1917 года. Вот как сформулировала она эту мысль: «Людям моего поколения суждено было стать свидетелями того режима, который отчасти и родился-то

благодаря этим благородным, самоотверженным идеям, таким чистым и таким наивным».

Исследуя историю Рошалей, своих предков по материнской линии, мама, пожалуй, впервые в жизни всерьёз заинтересовалась историей и культурой обитателей еврейских местечек запада России, Украины и Беларуси. Никогда не отрицая своих еврейских корней, она знала не так много о мире своих «местечковых» предков, а тем более об иудаизме и выдающихся еврейских религиозных мыслителях. Здесь ей пришлось углубиться в совершенно новую для неё область. Результаты её поисков, на мой взгляд, интересны и заслуживают уважения, даже если некоторые из её выводов могут показаться наивными.¹

В работе над этой книгой мама полагалась не только на исторические источники, но и на собственную замечательную память. Для меня наиболее интересными местами в книге являются её воспоминания о детстве, проведённом в довоенной Москве в доме деда Гришечки и мамы Сони, об арестах родителей её маленьких друзей в конце 1930-х годов и о тяжёлых военных годах. Очень интересно её открытие того, что член семьи Рошалей, двоюродный брат её деда, будучи сотрудником НКВД, участвовал в 1937 году в проверке «благонадёжности» её деда по отцовской линии, А. В. Семеки. Также интересна и удивительна другая мамина находка: оказывается, её непосредственные украинские и еврейские предки когда-то жили очень близко друг от друга! На мой взгляд, именно в этой части её книги чувствуется незаурядный литературный талант автора. Стоит отметить и тот факт, что в процессе поисков информации о своих родственниках и предках мама восстановила и укрепила контакты и отношения с довольно большим количеством родных в России, которые щедро делились с ней своими воспоминаниями, семейными фотографиями и документами. Таким образом «История семьи» безусловно стала логичным завершением её долгой и, как она сама говорила, богатой событиями жизни.

Сергей Кан

¹ Как, например, её утверждение, что род Рошалей происходит от самого царя Давида.

«D’ou venons? Que sommes nous? Ou allons nous?»
Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идём?..

Paul Gauguin

По безнадёжности все попытки возродить
прошлое похожи на старание постичь смысл
жизни.

Иосиф Бродский

СЕМЕКИ

В августе 2011 года мы стояли у могилы человека, которого не только никогда не встречали лично, фотографий которого ни в каких семейных альбомах не видели, но о котором никогда ничего даже и не слышали, кроме случайно вскользь брошенной реплики о том, что большая часть семьи, за исключением моего деда, папиного отца, после революции покинула пределы страны победившего социализма, о чём надлежало никогда не упоминать вслух, а ещё лучше навсегда забыть. В могиле, у которой я, моя сестра Ольга и наши мужья, Миша и Ким, стояли, полные эмоций, со слезами на глазах, покоится прах моего и Олиного прадеда Владимира Александровича Семеки.

Мы, по всей вероятности, были первыми посетителями Владимира Александровича с момента его похорон 28 августа — 10 сентября 1928 года. Это было место, где началось восстановление моей семейной истории: Франция, муниципальное кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, расположенное в одноименном городке в 30 километрах от Парижа. Значительную его часть представляет Русское православное кладбище, оно так и называется. Выходцев из России начали хоронить здесь с 1927 года, после того как княгиня Вера Кирилловна Мещерская подарила русской общине свой дом-особняк в Сент-Женевьев-де-Буа и основала в нём Русский Дом, иначе говоря, богадельню по уходу за престарелыми эмигрантами из России.

Могила В. А. Семеки

До этого на кладбище хоронили только местных жителей. Дом,

открытый 7 апреля 1927 года, всё ещё существует, хотя обитателей в нём осталось немного. Трёхэтажный особняк полон предметов старого русского религиозного и светского искусства, портретов русских царей, в частности Николая II, последнего царя России — во весь рост. В домашней церкви пахнет ладаном. Имеется в нём и архив тех умерших его постояльцев, у которых в момент их смерти не было родственников. Документы, фотографии и прочее свалены в сильнейшем беспорядке на полках и в коробках на чердаке дома, и никто практически не знает, что там есть. Как хотелось бы до него добраться! Но при попытках получить разрешение это оказалось абсолютно вне досягаемости.

Кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа — самое знаменитое кладбище вне пределов России, которое можно назвать русским. На нём более 10 тысяч русских захоронений. Оно потрясает, завораживает, вернее, выворачивает тебя наизнанку как всеохватывающая трагическая иллюстрация политической и культурной истории России XX века. Многие имена, которые ещё можно прочесть на надгробных плитах, пострадавших от времени, вызывают воспоминания о нелёгких судьбах участников трагической истории этой страны. Многие составляют её гордость и её мировую славу: великие писатели такой величины, как Иван Бунин, как Мережковский и Зинаида Гиппиус, Алексей Ремизов, Николай Евреинов и Борис Зайцев, Георгий Иванов, Тэффи; художники с мировым именем, такие как Константин Сомов, Дмитрий Стеллецкий, Константин Коровин, Андрей Бакст, Зинаида Серебрякова, Оленька Глебова-Судейкина; всемирно известные звёзды русского балета: Сергей Лифарь, Ольга Преображенская, Матильда Кшесинская, Рудольф Нуреев; философы Сергей Булгаков, Николай Лосский; химик с мировым именем Алексей Чичибабин; бесчисленное количество русской аристократии, начиная с Феликса Юсупова, убийцы Распутина, а также Романовы, Демидовы, Шереметевы, Мещерские, Оболенские, Волконские, Васильчиковы, Ростопчины, Врангели; политические деятели и их семьи, такие как Николай Гучков, Рябушинские, Столыпины, Колчаки; члены кадетского корпуса, многочисленные участники и руководители белого движения и т.д.

Даже для меня эти имена — лишь иллюстрация к российской истории XX века. Однако рядом с ними встречаются и те, кто были моими современниками, некоторых из них я встре-

чала, других знала как участников событий, в которых и я принимала небольшое участие: Андрей Амальрик, Владимир Максимов, Александр Галич, Виктор Некрасов, Андрей Тарковский, Рудольф Нуреев. За этими именами стоят многочисленные воспоминания далёкой первой половины моей богатой событиями жизни в другой части света, в другой стране. Одним словом, «Other Voices, Other Rooms».

Мой прадед был одним из первых обитателей Русского Дома для престарелых («старческий дом», как его называли русские), а также одним из первых, кто в нём умер, «тихо скончался», как оповестило сообщение Русского Дома о его смерти, помещённое в эмигрантской газете «Возрождение» за 12 сентября 1928 года. К этому времени он был уже стар и сильно болен — ему было 84 года.

13 сентября, совершив отпевание и отслужив панихиду, его похоронили на местном кладбище почти сто лет тому назад. Был ли при этом кто-либо ему близкий? Где была его дочь Мария, которая, как известно, уехала с ним? Какая судьба постигла его братьев, Константина и Андрея? О них ничего не удаётся найти так же, как и о Марии, его дочери и сестре моего деда Александра Владимировича, который после революции остался в России. В ногах могилы прадеда росла (или была посажена) маленькая берёзка, сейчас выросшая в красивое раскидистое дерево, ветви которого поэтично склоняются над могилой. Корни дерева, однако, сломали плиту и повредили крест, который, по всей вероятности, упал и недавно был заменён простым деревянным с номером 12 и надписью: «Владимир Семека 1928». Исчезло отчество, исчез год рождения — по-видимому, на старом сломанном кресте эти данные прочесть не удалось.

По скудным сведениям, которые мне удалось раскопать, потомственный дворянин, действительный статский советник Владимир Александрович Семека до своего отъезда из России был довольно известным в Петербурге педагогом, членом Учёного комитета Министерства народного просвещения, смотрителем петербургских народных училищ. В 1894 году, то есть тогда же, когда его сын Александр Владимирович начал свою преподавательскую карьеру, был открыт первый в Петербурге городской училищный дом имени Екатерины II. В 1961 году, рассказывая о работе училищного дома, ставшего после револю-

ции советской трудовой школой, расположенной на углу Среднего Проспекта и 7-й линии, А. М. Серкова, его преподаватель, а затем и директор, с любовью и нежностью вспоминала нашего прадеда. Воспоминания её — на сегодняшний день единственный документ, дающий хоть какое-то представление о том, что делал, а главное, каким человеком был Владимир Александрович Семека в годы, предшествовавшие его отъезду в эмиграцию. Серкова рассказывает, что за качеством обучения в училище постоянно следили педагоги-эксперты, хорошо знавшие методику преподавания всех школьных предметов, прекрасно педагогически подготовленные. Они посещали уроки и особенно следили за тем, как проводились экзамены. Владимир Александрович, как она утверждала, был самым лучшим, самым знающим из всех известных ей инспекторов и экспертов. Нарисованная ею живая картина такого посещения урока Владимиром Александровичем даёт отличное представление о его характере, мягком и деликатном: «Вот он входит в класс, приветствует учителя, здоровается с детьми, скромно садится за парту кого-либо из учеников и слушает урок. Может быть, он замечал недостаточную ценность урока, но, не делая замечания, поднимался с просьбой предоставить ему возможность продолжить урок самому. И вот перед учителем разворачивалась картина такого урока, такого, каким он должен был быть, чтобы принести наилучшие результаты для учеников и оказать непосредственную методическую помощь учителю». Из этих воспоминаний ясно, что его уважали, любили и что встречи и разговоры с ним стимулировали интерес к преподаванию и желание совершенствоваться. Почти полвека спустя учительница всё ещё говорит о результатах разговоров с В.А. языком того времени, времени её юности: «душа стесняется лирическим волнением», и «мысли в голове волнуются в отваге». В отличие от многих других экспертов, которых боялись, его уважали и любили за то, что его интересовали дело и люди, его делающие, а не формальные записи в школьном журнале, малейшее отклонение от которых грозило скандалом и увольнением с работы. Он, как сообщает Серкова, не был бюрократом, напротив, он был отзывчивый и сердечный человек.

Владимир Александрович не только инспектировал школьное образование, но и составлял методические пособия для преподавания, например, арифметики. «В арифметике нам руковод-

ством служили книги немецкого учителя Лая, методика самого Семеки», — пишет Серкова. Существует составленный им сборник арифметических задач, изданный в Петербурге в 1885 году в издательстве некоего М. А. Семеки, возможно, племянника В. А., сына его брата Андрея. Мне показались весьма примечательными и интересными некоторые детали, связанные с педагогической деятельностью Владимира Александровича. В прошлом многие члены рода Семек, сделав где-то в XVII веке военную службу (черниговские казаки) своим основным занятием, начиная с XIX оказались связанными с педагогикой, с преподаванием и просвещением. Ещё мой прапрадед, Александр Иванович Семека, отец Владимира Александровича, продолжал традиционную для семьи военную линию: начав с подпоручика Муромского полка, он закончил службу майором в 1844 году, в год рождения своего второго сына Владимира. Начиная же с Владимира Александровича, пошли педагоги: мой дед Александр Владимирович, его сын и мой отец Сергей Александрович, который был и военным (врачом), и педагогом, и историком, затем я, не имеющая ничего общего с армией, но всё с преподаванием и занятием историей, и наконец мой сын Сергей, университетский профессор и автор многих трудов по антропологии.

Попытки воссоздать образ моего прадеда, лежащего на кладбище во Франции, породили больше вопросов, чем ответов. Помнится, как-то мой отец, работая над книгой об истории русской военной медицины времён войны с Наполеоном, которую не успел закончить, мельком сообщил мне о казацком прошлом семьи. Он сказал, что многие его предки были командирами черниговских казацких (казачьих) полков, что целиком подтверждается существующей родословной рода Семек, и его дед всё ещё ходил по Петербургу в шароварах с огромными казацкими/украинскими усами. Этот нарисованный им портрет никак не вяжется с образом действительного статского советника и члена Министерства народного просвещения Владимира Александровича Семеки. Кого же имел в виду мой отец, говоря об усах и шароварах? Звание действительного статского советника помещалось высоко в так называемой «Табели о рангах», утверждённой ещё Петром I в 1722 году. Оно давалось членам дворянского сословия за выдающуюся службу на «благо государства Российского». Всего разрядов было четырнадцать: от самого низкого, 14-го (коллежский регистратор), до самого высокого, 1-го (канцлер, или действительный тайный советник 1-го

Титульный лист
«Малороссійского
родословника»

класса). В армии они соответствовали прапорщику (14-й) и генерал-фельдмаршалу (1-й). В этой иерархии «чинов воинских, статских» государственной службы в Российской империи гражданский чин моего прадеда относился к 4-му классу, его звание действительного статского советника равнялось военному званию генерал-майора, т.е. он занимал весьма высокое положение на социальной лестнице Российской империи. Может быть, отец имел в виду своего прадеда, а не деда?

Родословная малороссійского дворянского рода Семек, составленная в 1914 году, кончается как раз на поколении моего прадеда и его братьев. Это и подобные ему издания не только перестали вы-

ходить, но и на многие годы были превращены в некие секретные документы, весьма опасные для чтения и для властей, и даже в большей степени для членов этих родов. Из ставшей теперь доступной нам родословной нашей семьи мы узнали, что у Семек, как и во многих других родовитых семьях, со времени Александра Ивановича Семеки началась традиция называть старшего и следующего за ним сына, поочерёдно меняя порядок их имён. Этой парой имён в семье Семек были «Владимир» и «Александр». Исключение составил мой отец, младший сын Александра Владимировича, моего деда. Не будучи старшим сыном, он был назван Сергеем, а его старший брат — Владимиром Александровичем. В какой-то мере эта традиция поддерживается до сих пор.

Таким образом, если расположить этот материал по порядку, мы получаем: *старший брат* моего отца — Владимир Александрович Семека. Их *отец* — Александр Владимирович Семека. Их *дед* — Владимир Александрович Семека. Их *прадед* — Александр Иванович Семека и т.д.

По словам другого мемуариста, В. И. Короткевича, автора статьи «Дорога длиною в сто лет», «преподаватель Мария Владимировна Семека была дочерью известного в городе педагога, ин-

спектора петербургских народных училищ, а также члена Учёного комитета Министерства народного просвещения, Владимира Александровича Семеки». Она была учительницей в том же Василеостровском училище, о котором речь шла выше в связи с деятельностью её отца, Владимира Александровича. Была ли у Марии Владимировны семья — неизвестно, скорее всего, нет, так как, согласно «Правилам о назначении учащихся», поступая на работу в начальные школы, учительницы давали подписку, обязуясь не выходить замуж. Это правило действовало до 1913 года. По всей вероятности, вскоре после этого времени Мария Владимировна покинула Россию вместе с отцом. Это косвенно подтверждается тем, что в списках учителей школы она числилась только до 1916 года.

Как сложилась во Франции её судьба, неизвестно. Что она делала в Париже, если она вообще жила там? И что делал в течение десяти лет сам Владимир Александрович? — ведь он приехал в Париж, по представлениям того времени, будучи уже глубоким стариком (ему было 73 года). На вопрос, когда он уехал из России, можно ответить довольно точно. Из разговоров, поддерживаемых некоторыми членами семьи Семека, оставшимися жить в России, ясно, что они жили в постоянном страхе от давящего чувства вины перед социалистической родиной из-за дворянского происхождения, наличия родственников за границей, из-за каких-то масонских связей (об этом ещё впереди), из-за того, что предки (Стародубское казачество) во время революции и гражданской войны поддерживали белое движение и присоединились к армии Врангеля. Утверждения, что В. А. уехал во Францию в 1915 году — т.е. как бы не из-за революции, а так почему-то — представляются некой смехотворной, хотя и понятной, попыткой спрятать голову под крыло и сделать свою «вину» не такой уж страшной. Да, вот ещё одна загадка. У моего прадеда было два брата: старший Константин и младший Андрей. Что случилось с ними? Помнится, жена старшего брата моего отца, которая всю жизнь дружила с моей матерью, хотя родители мои разошлись, когда мне было всего два года, как-то сказала (она была смелее других), что в семье Семек уехали все, кроме моего деда. Нет чтобы расспросить её поподробнее, ибо она явно знала больше других, так нет... молодость мало интересуется прошлым, её занимает только будущее и, кроме того, она склонна видеть себя центром мироздания, а не звеном в непрерывной цепи соединённых и влияющих друг на друга звеньев...

Герб рода Семек

Может быть, всё же что-то есть в архиве Русского дома? Но даже если есть, он недоступен. Путин обещал за него большие деньги, а до сих пор существующая богадельня для вымиравших русских послереволюционных эмигрантов в деньгах очень нуждается.

Что привело меня к могиле моего прадеда Владимира Александровича, о котором я никогда ничего не знала и не слышала? Путь мой на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа был длинным и во всех отношениях случайным.

Может быть, впрочем, в каком-то высшем смысле не толь-

ко не случайным, а судьбою предначертанным и запланированным, ибо различные, казалось бы, не связанные между собой события упорно толкали меня в направлении могилы номер 12 в аллее Акации.

Сначала, в ходе случайного разговора с близкой нам Маргаритой Ивановной Зарудной о её происхождении из малороссийского дворянства, я заглянула в стоявший у неё на полке «Малороссийский гербовник», составленный Д. К. Лукомским и Д. Л. Модзалевским и изданный в Санкт-Петербурге в 1914 году, и увидела там картинку и описание герба рода Семек. Там было сказано следующее: «Семеки. В щите: сердце, пронзённое стрелой (без перья) и мечом в Андреевский крест.

Печать Якова Семеки, сотника 2-й полковой Стародубовской сотни 1771 г.; вверху щита изображены буквы: Я.С., т.е. «Яков Се-мека». «Потомство Григория Семеки (XVII в.)» (*Пржиятель изм.*)

(*Пржиятель изм.*) означает, что Яков Семека, получивший пожалованное ему право иметь фамильный герб, выбрал один из типовых гербов польского дворянства — «Пржиятель», или Приятель, внёс в него некоторые изменения и поставил свои инициалы. Такова была распространённая практика времён Екатерины II, которая в 1785 году дала возможность «представителям и потомкам малороссийских старшин записываться в дворянские родословные книги». При этом необходимо было иметь доказательство принадлежности рода к казацкой старшине.

Старшиной в Малороссии (Гетманщине)² назывались лица военно-административного аппарата казачьего войска, занимавшие должности (уряды) сотенных атаманов, полковников, полковых обозных судей, писарей, есаулов, поднимавшие их над уровнем рядового казачества. Это были люди, вышедшие, главным образом, из народной массы и достигшие сравнительно высокого положения благодаря своим личным способностям. Лишь небольшая часть старшины принадлежала к привилегированному военному классу, или к «казачьей шляхте», жившей на Черниговщине ещё до Хмельницкого, в эпоху подчинения этих областей польско-литовским королям. Старшина представлял правящий класс в крае. Семеки отвечали необходимым требованиям: они происходили от малороссийской старшины, занимали указанные выше посты в управлении сотни, многие были сотенными атаманами, некоторые были титулованы бунчуковыми товарищами. Они были записаны в родословные книги черниговского дворянства, а потому и получили «Высочайше утверждённый» родовой герб, т.е. потомственную родовую эмблему, охраняемую законом. Малороссийские дворяне, географически находившиеся ближе к Западу, часто заимствовали у Польши гербы в основных их чертах: сочетания меча и стрелы, креста и сердца, — и обычно вносили в них некоторые изменения.

«Гербовник» был моей первой находкой, подтвердившей семейные послесталинские разговоры о папином дворянском происхождении. Спустя много лет (может быть, около двадцати?), снова в связи с Маргаритой Ивановной, которая незадолго до этого умерла, не дожив двух недель до своего столетия, и с её книгой об истории её семьи, я узнала о том, что в новой и непонятной нам России издали в нескольких томах нечто вроде каталога могил русских эмигрантов, рассеянных по всему свету и до недавнего времени напрочь забытых как могилы врагов социалистической родины, предателей и отщепенцев. Назвали это издание весьма парадоксально: «Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–2001 в шести томах». Издание Российской Государственной Библиотеки. Отдел литературы русского зарубежья (почти невероятно, но и такое теперь есть!).

Любопытство моё было вознаграждено: в шестом выпуске этого издания я немедленно обнаружила знакомое имя. Объявле-

² Гетманщина, Речь Посполитая, Малороссия: названия Украины (или некоторых её областей) в разные исторические периоды.

ние гласило: «Семека Владимир Александрович (30 июня 1844–28 авг. — 10 сент. 1928, Сент-Женевьев-де-Буа, пригород Парижа). Действительный статский советник. Член Учёного комитета Министерства народного просвещения. Умер в Русском Доме. Похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа». За объявлением шла ссылка на парижскую эмигрантскую газету «Возрождение» от 12 сентября 1928 г. с сообщением о смерти и оповещением о похоронах.

Я мгновенно поняла, что речь шла об отце моего деда Александре Владимировиче Семеке, умершего от голода в блокадном Ленинграде. Дата рождения безусловно соответствовала реальности; имя, отчество точно отвечали семейной традиции; Франция представлялась самым вероятным местом его эмиграции. Некролог в «Возрождении» никакой новой информации не содержал. Вышедшая в Москве в 2009 году книга И. Грезина «Алфавитный список русских захоронений на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа» была именно списком и ничем больше. Он повторял информацию «Незабытых могил». Однако мои дальнейшие изыскания были более успешными и с точностью подтверждали правильность моей догадки.

Необходимо было добыть дополнительные материалы, касающиеся семьи моего отца, но как и где? Живых свидетелей не осталось. Документы, по всей вероятности, уничтожены жестоким временем или осторожными руками перепуганных родственников. Внимательно просмотрев «Малороссийский гербовник», я поняла, что он представляет собой не что иное, как приложение к томам неизвестного мне «Малороссийского родословника» (составитель В. Л. Модзалевский, Киев, 1914), куда в алфавитном порядке вошли родословные всех известных малороссийских дворянских родов. И, действительно, в четвёртом томе этого издания я нашла довольно полную родословную Семек, начиная с Григория Семеки, жившего в XVII веке.

Здесь уместно сделать некоторое отступление как в повествовании, так и во времени. После Второй мировой войны мой отец, живший до этого в Ленинграде, перебрался в Москву. Со своей тогдашней женой и тремя из своих шести дочерей он жил на Первой Мещанской улице в роскошной, по тем временам, двухэтажной генеральской квартире. У него было больное сердце, и он уже пережил несколько инфарктов. Каждый раз, как с ним случался серьёзный сердечный приступ или инфаркт, за мной присылали шофёра, и он вёз меня к отцу на Мещанскую.

В этот раз, в дополнение к инфаркту, случился также микроинсульт. У меня сохранилось странное воспоминание о комнате, в которой он лежал. Низкий потолок — помещение типа чердачного. Думая об этой встрече, я вновь испытываю острое чувство клаустрофобии. Рассказав недавно об этом моей сестре Оле, я узнала, что это странное воспоминание не имеет под собой никакой действительной реальности — таких комнат в московских квартирах тех лет не было и быть не могло. Думаю, что моё воспоминание и связанное с ним чувство клаустрофобии носит чисто психологический характер. Послевоенная жизнь моего отца отличалась неблагополучием и какой-то душливостью из-за отношений между членами семьи, особенно между ним и женой. В тот день, лёжа в постели, отец пытался работать. Всё вокруг было усыпано бумагами и выписками на карточках, как это бывало в тот докомпьютерный век, — он писал книгу по истории русской медицины времён войны с Наполеоном. Отец не успел закончить эту работу. Внимания к его наследию не было. Никто о судьбе этой рукописи не позаботился — она осталась не напечатанной. В эту нашу встречу, очевидно, под влиянием материалов, с которыми он сталкивался, работая в военных архивах, отец (неожиданно заговорил о своих предках:

— У Семек однофамильцев нет, если ты встретишь кого-нибудь с фамилией «Семека», это твой родственник, — сказал он абсолютно категорически. — В прошлом Семеки, — продолжал он, — были все военными, многие из них были командирами Черниговских казацких полков.

Тогда я удивилась тому, откуда это было ему известно. На мой первый недоуменный вопрос папа ответил странным сообщением об усах и шароварах, второй — проигнорировал. Теперь, благодаря интернету, я понимаю, откуда у него были эти сведения: история рода Семек в течение нескольких веков — это в значительной степени история военных походов и войн, которые вела Россия. Семеки участвовали если не во всех, то в большинстве из них. И во многих они отличились, достигнув достаточно высоких чинов и званий, за что, по-видимому, и получили потомственное дворянство.

Пугавший всех в СССР термин «дворянин», возникший в XII веке, первоначально обозначал человека низшей части военного служилого сословия при дворе князя или крупного боярина. В Малороссии дворянство давалось представителям казачьей старшины часто вместе с наделом земли и сидевшими на

нѣм крестьянами. Семеки, безусловно, заслужили потомственное дворянство своей безупречной службой, но богатых поместий, по всей вероятности, никогда не имели, хотя и пытались приобрести и собрать вокруг себя земельную собственность.

БЫЛИ КОГДА-ТО И МЫ КАЗАКАМИ

Происходили мои предки по отцовской линии из города Стародуба, получившего своё название, согласно преданию, от огромного старого дуба, росшего в самом центре города. Были они казаками.

Расположен Стародуб на территории, которая находилась на левом берегу Днепра, и, соответственно, жители этого района назывались казаками Левобережной Украины, в отличие от запорожских казаков Правобережной Украины, которые образовали знаменитую и воспетую в литературе Запорожскую Сечь. В Левобережную Украину входили современные Черниговская и Полтавская, частично Сумская и кое-какие восточные земли Киевской и Черкасской областей.

Стародуб, или Стародуб Северский, был одним из самых древних городов на территории Черниговской области в северной части Украины. По постановлению от 5 июля 1944 года, он оказался на территории Российской Федерации, во вновь образованной Брянской области, на границе с Украиной и Беларусью. Весь этот район теперь находится в центре территории, заражённой Чернобыльской катастрофой.

Впервые Стародуб упомянут в завещании Мономаха в 1080 году в Лаврентьевской, а затем в 1096 году в Ипатьевской летописях как крепость Черниговского княжества на возвышенности полуострова, омываемого рекой Вабля. В летописи речь идёт о нападении на город половцев, за которым следует длинная, почти непрерывная вереница набегов, захватов, войн, кровопролитий, пожаров. Это начало истории Стародуба. В течение XII века Стародуб часто служил убежищем какому-либо князю или же местом сбора княжеских дружин. Во время Батыева нашествия в XIII веке город, наряду с Черниговом и Козельском, был сожжён татарами-монголами. В XIV веке он попеременно то входил в состав Великого княжества Литовского, то становился частью Польши. В 1379 году город сильно пострадал от войск Дмитрия Донского. Территориально-стратегическое положение Стародуба, укреп-

лётного пункта на юго-западной границе, постоянно ставило его в центр бесконечных распрей и военных столкновений между Литвой и Польшей, а также между ними и Москвой. С 1503 по 1618 год город входил в состав Великого княжества Московского, и, так как Россия бесконечно воевала и с Польшей, и с Литвой, Стародуб многократно подвергался нападениям польско-литовских войск и присоединявшихся к ним крымских татар.

Украинские казаки. XVII в.
Так выглядели мои предки

В 1534–35 гг. жители Стародуба воевали с польско-литовскими войсками Радзивилла и Тарновского. Город был осаждён и после месячной осады сожжён. В боях погибло 13000 человек, город был захвачен и разграблен. Однако в том же году он был целиком заново отстроен. Сохранившиеся документы дают представление о том, какую беспокойную жизнь вели жители Стародубщины, находясь на рубеже русской земли. В Смутное время (1598–1613), во время начавшейся Русско-Польской войны, Стародуб был в очередной раз сожжён, почти всё население уничтожено. В 1616 году он вновь отошёл к Польше. Польский король Сигизмунд III в 1620 году даровал жителям города вольности, по Магдебургскому праву, а городу — герб с изображением дуба с орлиным гнездом. Польша использовала укрепления города для защиты своих земель от Московского государства. Стародуб находился в составе Речи Посполитой (1618–1654), которая включала территории Польши, Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии. Всё Черниговское княжество входило в Малопольскую провинцию Речи Посполитой (другие две были Великопольская и Великое княжество Литовское). В 1646 году весь край был отнесён к Гетманщине. В 1648-м город был занят войсками Богдана Хмельницкого. Прокатилась волна еврейских погромов. После долгих переговоров Хмельницкий вынужден был вновь уступить город полякам. В 1654 году «Малороссия» объединилась с Россией, Стародуб стал полковым городом, т.е. административным

центром Стародубского полка в составе Гетманщины. На некоторое время в нём воцарился покой, однако спокойствие продолжалось недолго, в 1660 году город снова был разорён, на этот раз крымскими татарами, а затем в 1663-м — поляками. В 1666 году царь Алексей Михайлович жаловал Стародубу грамоту, подтверждающую права его жителей согласно Магдебургскому праву.

В 1686 году Стародуб получил самоуправление. Однако он по-прежнему находился в центре военных действий: Россия, Украина, Польша и вообще страны Восточной Европы всё время воевали друг с другом.

Стародубский полк принимал участие во всех военных операциях Российской империи: войнах, походах и т.п., а их было немало. В 1700-м началась Северная война, закончившаяся в 1721 году поражением шведов. В 1709-м полк принимал участие в этой войне и отличился в битве под Полтавой. Немалую роль в её исходе сыграла народная война в Белоруссии и Украине. Население Стародуба было частью этого народного сопротивления. Многочисленные попытки шведов овладеть городом успехом не увенчались. Пётр был в восхищении от отваги стародубских казаков и вновь подтвердил их вольности, данные им по Магдебургскому праву.

Особенно полк прославился своим героизмом при штурме крепости Измаил во время Русско-Турецкой войны 1789–91 гг., за что был отмечен самим Суворовым. А уже через несколько лет он участвует в тяжелейших Итальянском и Швейцарском походах (1799–1800). Когда Россия снова воевала с Турцией (1800–1812), ему в награду было дано звание «Двадцатый Стародубский Его Императорского Величества принца Ольденбургского» полк.

Принимал он активное участие и в Кавказской войне, и в сражениях у города Городечно, и у реки Березины в войне 1812 года в составе 3-й армии Тормасова. После разгрома Наполеона полк был в заграничном походе и участвовал в битве под Лейпцигом и во взятии Парижа. В 1831–32 гг. был частью трагической миссии подавления польского восстания, а в 1876–77 гг. в ещё одной Русско-Турецкой войне сражался у городов Руцук и Бутанцы.

От некоторых доблестных походов и битв, в которых мои предки стародубцы проявили свой героизм и отвагу, нити тянутся в современность, и гордости они не вызывают: они участвовали в покорении Кавказа, резали чеченцев, завоёвывали для России Крым, подавляли польское восстание... Но это теперь, а то было тогда.

Что касается более близких к нам событий, то следует отметить ещё один небезынтересный факт, несомненно, бывший

при жизни моего отца и его братьев и сестёр серьёзным основанием для беспокойства и причиной никогда не говорить о своих корнях. С приходом к власти большевиков казачье сословие было официально упразднено, многие тысячи казаков подверглись всевозможным репрессиям. На протяжении последующих лет отношение к казакам со стороны советской власти оставалось враждебным. Их считали «не конструктивным и классово чуждым пролетариату элементом». В 1918–19 гг. бывший Стародубский полк воевал в составе армии белого генерала Деникина против советской власти. В 1920 году он прекратил своё существование. Враждебность отношений между новой властью и казаками не помешала перед Отечественной войной создать несколько казачьих дивизий и отправить их на фронт воевать «за Родину».

Многочисленные военные действия, в которых активное участие принимало несколько поколений стародубцев, внесли, как мне представляется, свою долю в формирование характера обитателей города, сделав войну и непререваемое участие в ней чем-то вроде нормы (константы) каждодневного их существования.

* * *

Кто же были эти казаки, жившие на Черниговщине и сыгравшие существенную роль в российской военной истории? Начнём с того, что, согласно известному историку Льву Николаевичу Гумилёву, сыну Анны Ахматовой и Николая Гумилёва, корни стародубских казаков уходят в глубокую древность и что предками их было именно тюркское племя.

Я неоднократно встречала Гумилёва, когда, освободившись из лагерного заключения, он писал книгу о древних тюрках и приходил в Институт востоковедения, где я тогда работала, советоваться с вернувшимся в то время в Россию Юрием Николаевичем Рерихом.⁵

⁵ Ю. Н. Рерих (1902–1960): всемирно известный востоковед и лингвист, сын выдающегося русского художника Н. К. Рериха. Семья Рерихов покинула Россию в 1917 г. Ю. Н. Рерих вернулся в СССР в 1957 г., где возглавил сектор философии и религий Индии в Институте востоковедения АН СССР. В 1957–1958 гг. Е. С. Семякина была секретарём Рериха и под его влиянием начала заниматься историей буддизма в древнем Цейлоне, поступив в аспирантуру своего института в 1960 г. См. «Последняя глава».

Другая теория связывает их происхождение с племенами ко-согов, которые ещё до нашествия татар жили на нижней Кубани и были ближайшими соседями Тмутараканского княжества, а в XI веке поселились на севере Черниговщины. Интересно, что стародубцы, как утверждают этнографические источники, не считали и не считают себя ни великорусами, ни украинцами. Согласно новейшим теориям, близким к идеям Гумилёва, преданным анафеме в путинской России, их происхождение на юге, в районе Тавриды,⁴ связано с русами, населявшими эти районы с древнейших времён (не имеют отношения к «русским»), и хазарами (халифатом), большая часть которых перешла в иудаизм.

Начиная с XIII века, из-за постоянной угрозы нападения татар крестьяне, жившие на территории Украины (возможно, потомки русов и хазар), стали носить оружие, чтобы в любой момент быть готовыми к самозащите в случае нападения. На этих вооружённых крестьянах лежала обязанность охраны границ Северской земли. Ситуация во многом напоминает мне американских minutemen, однако разница представляется весьма существенной. Если в Америке положение разрешилось довольно быстро, то в интересующей нас части земного шара оно значительно затянулось — в славянском мире ничто не делается быстро!

Историк XIX века так описывает это положение: «Постоянная жизнь на пустынных рубежах земли русской среди глухих лесов и болот, вечно настороже от воровских людей, вечно на коне или в засаде с ружьём или луком за спиной, с мечом в руке, постоянные схватки с степными хищниками, ежедневный риск своей головой, своей свободой, всем своим нажитым, выработали в течение времени из севрюка такого же вора и хищника своего рода, независимого в борьбе с иноплеменными ворами хищниками, все сноровки которых им были известны, как свои собственные».

Представление того времени, надолго сохранившееся среди населения и нашедшее свой путь в литературу, — это представление о казаках как о людях, превыше всего любивших независимость и свою ничем не ограниченную свободу. Казаки эти назывались «гулятьи», а казачество в целом «вольное гуляйство», так как казаки были бунтарями и во всех конфликтных ситуациях, а их было множество, постоянно стремились сохранять свою независимость.

⁴ Древнее название Крыма.

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

Начало

Читатель уже знаком с маминым безмерно счастливым самым ранним, по её словам, «золотым детством», годами физически и эмоционально голодных и холодных «беспризорных» военных лет. Тем не менее мне хочется начать этот очерк с самого начала.

Елена Сергеевна (Рошаль) Семека (ЕС) родилась в Ленинграде 6 февраля 1931 года.²¹ Радикальные изменения, произошедшие в российской жизни после Февральской революции и особенно после большевистского переворота 1917 года способствовали тому, что Сергей Семека (1906–1966), юноша из небогатой семьи украинско-русских дворян, предки которых переселились в Петербург, встретил, полюбил и женился на Любове (Люсе) Рошаль (1908–1997), чьи еврейские родители происходили из местечек и маленьких городов того края, что находились на стыке Украины, Беларуси и западной России, и в молодости перебрались в столицу Российской империи.

Через пару лет после рождения ЕС её родители развелись, и вскоре после этого она оказалась в Москве, где была отдана на воспитание родителям матери. В их семье она прожила пять лет, окружённая любовью и заботой. Особенно тесные узы связывали маленькую Лену с молодой, красивой и талантливой бабушкой Соней, ставшей ей второй (или, вернее, первой) мамой.

²¹ Сведения о маминой жизни почерпнуты из моих собственных воспоминаний (начинающихся в конце 1950-х гг.), её многочисленных рассказов (дополненных её друзьями и родственниками), её статьи «Два года с Юрием Рерихом», пространного интервью, которое провёл с ней в 2015 г. директор Музея Н. К. Рериха в Нью-Йорке Гвидо Трепша, а также нескольких моих интервью с ней, записанных на плёнку в том же году. Я безмерно благодарен Галине Викторовне Габай-Фикен за её внимательное и скрупулёзное редактирование и комментарии о маминной книге и моей «Последней главе».

Смерть бабушки в 1939 году была огромным ударом для мамы, омрачившим всё оставшееся время, проведённое ею в семье деда, Григория Яковлевича Рошала («Гришечки»). Через два года после ухода «мамы Сони» началась война, эвакуация, и пришёл конец детству. Испытав голод, холод и другие трудности и несчастья военных лет, ЕС рано повзрослела.

В эти же военные годы выработались такие черты её характера и особенности поведения, как упрямое нежелание подчиняться людям, которых она не любила и не уважала, и в особенности советскому «коллективу», требовавшему от неё подчинения и покорности. Уже будучи подростком, ЕС начала остро реагировать на то, что она называла «советский официоз», то есть ту ложь, которую она слышала от многих своих учителей, и скучные коллективные мероприятия, которыми так полна была жизнь советских школьников. Как вспоминала мама, когда на неё «напялили» пионерский галстук, никакого восторга это у неё не вызвало. К тому же она отказывалась прощать учителям поступки и слова, цель которых была унижить её саму или её близких. Также остро она реагировала на проявления антисемитизма, с которым столкнулась уже в младших классах. Как отметила она в моём интервью с ней: «Я всегда ощущала неестественность всех этих коллективных ритуалов, этого надуманного спектакля». Отсюда и её частые прогулы, исключения из бесконечно менявшихся школ, четвёрки по поведению. Что касается школьного обучения, мама явно предпочитала точным наукам гуманитарные предметы, в которых она преуспевала. О тех немногих учителях, которые, несмотря на идеологические препоны того времени, старались изо всех сил привить своим ученикам любовь к таким предметам, как история и литература, она всегда вспоминала с благодарностью и любовью.

При том, что она отшатывалась от советского «коллектива», мама не была замкнутой «букой». Напротив, это была весёлая, озорная и общительная девочка, у которой всегда были близкие друзья. Довольно рано она начала нравиться мальчикам, и их внимание ей явно было по душе. Так она не раз вспоминала влюблённого в неё еврейского мальчика лет десяти по фамилии Рубинчик, сидевшего с ней за одной партой и часто тихо напевавшего ей «Сердце красавицы склонно к измене!».

Помимо других детей, ближайшими мамиными друзьями в эти годы стали книги. Мне кажется, что именно они помогли ей пережить все горести войны. Очень рано научившись читать,

мама не расставалась с книгой до самого конца своей долгой жизни; она также очень любила обсуждать прочитанные книги с близкими ей людьми, будь то друзья, муж, невестка, единственный сын или обожаемая внучка.

При всём том характер её был нелёгким. В свои teenage годы Лена Рошаль была порой несправедлива к своим родным, обвиняя некоторых из них в тех трудностях и резких жизненных изменениях, с которыми ей так рано пришлось столкнуться. Позднее она сама осознавала это и жалела, например, о своей упрямой непримиримости к новой жене деда Гришечки и второму мужу своей мамы («дяде Шуре»), с которым впоследствии очень подружилась.

К моменту окончания ненавистной женской школы, который пришёлся на мрачный 1948 год позднего сталинизма с его антисемитской и анти-космополитической кампанией, мама уже хорошо понимала, что страна, в которой ей довелось родиться, была построена на ложной идеологии. Рассказывая мне об этом своём «прозрении», она сама удивлялась тому, как рано в ней выработалась неприязнь ко всему «советскому» и в том

Мама в конце 40-х гг.

числе почитанию «великого отца и учителя» советского народа. При том, что её осторожные родные никогда не вели антисоветских разговоров (хотя и никогда не поднимали тостов за советскую власть и за Сталина), ЕС очень рано отвергла какое бы то ни было уважение к той системе, в которой она росла. Как она пишет, увидев в тринадцатилетнем возрасте в доме своего друга Егора Яковлева большой портрет Сталина, она спросила: «Зачем вы эту гадость повесили?» Когда Егор, который был старше неё на год и уже развивал бурную комсомольскую деятельность, предложил ЕС участвовать

в ней, она ответила, что «не хочет, задрав штаны, бежать за комсомолом». А на вопрос того же юноши, хотела бы она уехать из СССР, мама ответила: «Завтра же».

МГПИ и ФБОН

По окончании десятого класса перед ЕС встал вопрос о выборе вуза. Попытка поступить на исторический факультет Московского университета обернулась горьким разочарованием, когда член приёмной комиссии недвусмысленно дал ей понять, что имея маму-еврейку в МГУ она никогда не попадёт. Когда эпопея с МГУ провалилась, приём документов во все гуманитарные вузы уже закончился. Оставался Московский государственный педагогический институт (МГПИ) им. В. И. Ленина, где только что ввели изучение испанского языка. С раннего детства обладая неплохим знанием французского и немецкого языков, мама выбрала факультет иностранных языков со специализацией по испанскому. Многие из её первых преподавателей были носителями этого языка, попавшими в СССР в результате гражданской войны в Испании. К моменту поступления на первый курс ЕС была уже «осознанно против Сталина». По её словам, «дело было даже не в политике: я просто очень не хотела быть как все».

Однако с первого же дня в МГПИ ей пришлось столкнуться с политикой. Кампания по борьбе с космополитизмом была в самом разгаре, и потому из института вычищали профессоров, якобы проявивших «низкопоклонство перед Западом» в своих лекциях и научных работах. Многие из них были евреями. На том же первом курсе ЕС столкнулась с тем, как тесно в СССР преподавание было связано с политической ситуацией и идеологией дня. Так, например, изучив теории академика Н. Я. Марра в курсе «Введение в языкознание» и получив пятёрку на экзамене, она и все её однокурсники были вынуждены на втором курсе сдавать «исправительный зачёт», основанный на только что вышедшей пресловутой работе Сталина по языкознанию, в которой «марризм» был полностью развенчан. Как вспоминала мама, на лекциях по истории КПСС и марксистско-ленинской теории студенты (в основном это были девушки) играли в морской бой. И всё-таки среди «партийных идиотов и марксистских догматиков» попадались профессора старой школы, которые хотя и вели себя очень осторожно, всё же пытались привить буду-

щим учителям и учительницам серьёзные гуманитарные знания. Особенно запомнились ЕС лекции по истории зарубежной литературы профессора Б. И. Пуришева (1903–1989). «Что-то хорошее, настоящее всё-таки в меня там запало», — вспоминала она.

Летом 1952 года мама закончила МГПИ и стала думать о том, что делать дальше. Предчувствуя, что ей придётся говорить ученикам неправду, стать школьной учительницей она не захотела. Напротив, ей хотелось продолжать учиться, а для этого надо было поступать в аспирантуру. Имея хорошее знание испанского, она сначала подумывала о специализации по латиноамериканской литературе, но потом решила всерьёз заняться историей, всегда её очень интересовавшей. К тому же на рубеже 1951 и 1952 гг. она вышла замуж за моего отца Александра Сергеевича Кана (1925–2017), историка-скандинависта, и стала жить с ним и его родителями в Староконюшенном переулке в районе Арбата. Мой дед Сергей Борисович Кан (1896–1960) тоже был историком, видным специалистом по истории Франции и Германии XVIII–XIX вв. Брак этот оказался неудачным и продлился всего лет шесть: родители мои были слишком разными людьми по характеру, темпераменту, жизненным интересам и политическим взглядам. Будучи образованным, интеллигентным

Мама с подругами из МГПИ.

Мама в кресле справа, рядом с ней близкая подруга Валя Осипова

и мягким человеком, хорошо понимавшим многие пороки советской системы, в своей научной работе и гражданском поведении отец мой был склонен к компромиссам. Помимо этого, по разным причинам маме было очень тяжело ужиться с его родителями. Как она часто говорила, единственным и очень важным результатом этого брака было рождение весной 1953 года её сына, соредатора этой книги и автора этой главы.

Прежде чем всерьёз рассмотреть возможность поступления в аспирантуру по истории, ЕС сделала последнюю попытку в области иностранной литературы. В 1952–1953 гг. она всерьёз занялась ещё одним иностранным языком, регулярно посещая курсы английского. В связи с этим у неё возникла мысль специализироваться по современной американской литературе. Познакомившись через мужа с одной учёной дамой, недавно защитившей кандидатскую диссертацию по этому предмету и работавшей в Институте мировой литературы (ИМЛ), ЕС спросила у неё о своих шансах стать аспирантом в этом институте. В ответ ей было предложено ознакомиться с диссертацией самой дамы и ещё одной диссертацией по современной американской литературе, а потом, выбрав себе научную тему, ещё раз прийти на собеседование. По словам мамы, обе диссертации анализируют

Мой отец (А. С. Кан), мама и я на даче Канов в Салтыковке под Москвой. Середина 1950-х гг.

вали «скучнейшие произведения прогрессивных американских писателей» и представляли собой «идеологическую дребедень». На вторую встречу с дамой из ИМЛ она даже не пошла.

После этого она решила, что сначала нужно лучше понять, что такое советская историческая наука, и отправилась на научное заседание в Институте истории. В этот день там разбирали работу В. М. Лавровского (1891–1971) по истории средневекового английского сельского хозяйства и подвергли её суровой критике. Бедный Лавровский, который, по словам мамы, выглядел как человек старорежимный, разводил руками и пытался защищаться, апеллируя к «историческим фактам». В ответ на это «вскочила тётка, которая была точной копией той, что преподавала нам марксистскую философию в МГПИ», и произнесла фразу, которая запомнилась ЕС на всю жизнь: «Что значит факты? Как должен работать историк-марксист, что нужно историку-марксисту?! Два-три факта и глубокий марксистский анализ!» Услышав эту речь, ЕС встала и тихо вышла, а идею о поступлении в аспирантуру отложила на несколько лет. К тому же, по её словам, «от одной мысли, что для поступления в аспирантуру придётся сдавать историю партии и марксистскую философию», ей делалось дурно.

Однако надо было искать работу, особенно в тот знаменательный 1953 год, когда у ЕС уже появился ребёнок, муж (еврей) был без работы, а больного тестя (еврея) уволили из московского вуза, так что ему пришлось читать лекции в одном из провинциальных пединститутос и жить в весьма трудных условиях. Мама устроилась на техническую должность в Фундаментальную библиотеку общественных наук (ФБОН). Работа была очень скучной и неквалифицированной и заключалась в основном в расставлении книг по полкам и составлении карточек для каждой книги. Вскоре ЕС невзлюбила её непосредственная начальница, и её перевели в отдел Востока. Как оказалось, это изменение сыграло очень важную роль в её профессиональной жизни.

Я с бабушкой Люсей. 1954 г.

В этом отделе ЕС поручили описывать поступающие из-за границы научные книги по Востоку. Она быстро справлялась со своей задачей, а в оставшееся время читала сами книги. Так постепенно у неё появился интерес к истории Древнего Востока. В это время во всём мире отмечалось 2500 лет с момента возникновения буддизма, и в связи с этим журнал «Вестник Древней Истории» попросил ЕС написать рецензию на две недавно вышедших иностранных книги «*Buddhist Texts Through the Ages*» и «*Les Vies Antérieures du Buddha d'Après les Textes et les Monuments de l'Inde*». Мама справилась с поставленной задачей, подготовив подробную и серьёзную рецензию длиной в шесть страниц. Помимо подробного обсуждения этих работ, написанных на английском и французском языках, она подчеркнула огромный вклад в изучение буддизма российских учёных дореволюционного и раннего советского периода, а также необходимость «возрождения этой отрасли науки в нашей стране».²² Рецензия — мамина первая научная публикация — была напечатана. Вслед за этим другой востоковедческий журнал попросил её отрецензировать книгу видного английского историка А. Л. Бэшама «*That Wonder That Was India*». И вот появилась её вторая рецензия, а затем и третья.²⁵ Помимо написания этих рецензий ЕС начала посещать занятия языком хинди, которые вела в МГУ Татьяна («Тася») Яковлевна Елизаренкова (1929–2007), выдающийся лингвист и переводчик ведийских текстов. Как ЕС говорила много лет спустя, «Работа пошла, хоть я, по существу, самоучка».

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ и Юрий Николаевич Рерих

В 1956–1957 гг. у ЕС начались серьёзные проблемы на работе, в результате чего ей в конце концов пришлось уйти оттуда

²² Семека Е. С. Новые переводные издания Буддийских текстов... // Вестник древней истории. — 1956 (2). — С. 129.

Как известно, буддология в СССР была практически разгромлена в 1930-е гг., когда было арестовано большинство ведущих специалистов в этой области.

²⁵ Семека Е. С. A. L. Basham. The Wonder That Was India // Советское востоковедение. — 1957 (3). — С. 186–192. Семека, Е. С. Проблемы истории буддизма в индийской юбилейной литературе // Вестник истории мировой культуры. — 1958 (6). — С. 122–134.

Элианна родилась в 1988-м, когда мы с Аллой ещё жили в городе Анн-Арбор (Ann Arbor), штат Мичиган, где я преподавал в Мичиганском университете. Но через год я получил хорошую работу на кафедре антропологии Дартмутского колледжа в штате Нью-Гэмпшир, и мы вернулись назад в Новую Англию. Переезд в места, расположенные всего в двух часах езды от Бостона, был для нас троих очень важным. Мы снова могли часто видеться с родными (Аллины родители тоже жили в Бостоне), а Элианна стала расти в относительной близости от бабушек и дедушек. Пока она была маленькой, мы часто оставляли её на Appleton street, а сами улетали из Бостона на каникулы. Между мамой и нашей дочерью завязалась очень крепкая любовь и дружба. Создавалось впечатление, что те близкие и очень тёплые отношения, которые были у мамы с её собственной бабушкой Соней, повторялись в её отношениях с внучкой. Когда Элианна немного подросла, она стала часто путешествовать с мамой и Мишей и к окончанию школы уже успела побывать во многих странах Европы. В этих поездках мама старалась привить ей интерес к литературе, истории, живописи, архитектуре. Часто они вместе ходили в театр

Кузены: Виктор Новиков, Елена Осташевская, Елена Семека.
Яков и Эсфирь Рошали их общие прапрадед и прапрабабка.
Нью-Йорк, ок. 2000 г.

Мама с внучкой Элианной. Середина 1990-х гг.

(особенно в Лондоне): мама мечтала, чтобы Элианна, которая в школьные годы и на первом курсе колледжа очень интересовалась театром и особенно актёрской игрой, сама стала актрисой, как бы повторяя историю маминой семьи. С подраставшей внучкой, и особенно внучкой-студенткой, специализировавшейся в коллеже по сравнительному литературоведению, мама много говорила о книгах и в особенности о русской литературе. Со школьных лет Элианна полюбила, когда «баба Лена» читала ей по-русски своих любимых поэтов: Пушкина, Ахматову, Цветаеву. Часто мама рассказывала Элианне о своей жизни в России, о своих друзьях и романах, а та в свою очередь делилась с ней своими сердечными делами. Когда Элианна была вдали от 16 Appleton Street, они часто подолгу беседовали по телефону. Мама не навязывала подросшей внучке своё мнение, но и не стеснялась высказать своё, дать совет. Больше всего ей хотелось, чтобы та была счастлива и чтобы жизнь её была интересной. Отношения их были не просто типичными для бабушки и внучки. Помимо любви их связывала крепкая дружба и общность интересов.

Мама очень радовалась успехам Элианны в учёбе, а потом и работе, связанной с книгами и издательским делом, переживала её любовные драмы. В не меньшей степени она гордилась

Я, мама и Элианна, середина 2010-х

и моими научными успехами, а мне всегда было очень приятно дарить ей (и Мише) мою очередную напечатанную статью или книгу. Последние годы, когда она работала над историей своей семьи, мы много с ней говорили о замечательных людях, которых она встретила на своём пути, о счастливых и трудных эпизодах её жизни.

Мама совершенно не страдала ностальгией (и не была сентиментальна). На мой взгляд, она всегда была «западником» и скептически относилась к интеллигентским разговорам о «берёзках», о российской «исключительности» и «особой духовности». При этом она очень интересовалась и хорошо знала русскую историю и культуру. Когда появилась возможность вновь посетить Россию, и многие эмигранты ею воспользовались, она наотрез отказывалась возвращаться даже ненадолго туда, где, по её словам, ничего не осталось от мира её детства и юности. Как пишет она в этой книге, «...у меня никогда не было желания вновь посетить пепелище. Не потому, что я испытываю ностальгию по дворикам, домикам, деревянным заборам и пр., я вполне и всем сердцем приветствую прогресс, если он не уничтожает красоту, но я знаю, что всё, что я там увижу,

Наша семья в день окончания Элианной Миддлбери Колледжа.
Февраль 2011 г. Слева направо: Я, Миша, Элианна, мама, Алла

ко мне не имеет никакого отношения. Это чужая жизнь, ничего мне не говорящая».

Её новой родиной стала Америка. Она радовалась успехам этой страны и остро переживала, когда Америка, её политические лидеры или простые граждане вели себя, по её представлениям, недостойно. Что касается русской культуры, она, как писал когда-то (мой родственник) поэт Владислав Ходасевич, увезла её «с собой в дорожном мешке». Её Россией были лучшие произведения русской литературы, русского искусства. Конечно, она скучала по оставшимся там друзьям, но предпочитала, чтобы они приезжали к ней. В конце жизни она остро переживала то, что большинства близких людей её поколения уже не было в живых.

Последний раз мы с женой видели маму 17 декабря 2022 года, накануне её ухода из жизни. Мы обедали с ней и Мишей, пили вино, вспоминали смешные эпизоды из нашей российской жизни, шутили. Когда пришло время прощаться, мы с мамой обнялись, она улыбнулась и сказала мне: «Приезжай почаще. Так хорошо, когда ты рядом».

Такой я хочу запомнить её навсегда.

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА СЕМЕКА (1931–2022) родилась в Ленинграде, выросла в Москве. В 1952 году окончила Московский государственный педагогический институт. В 1957 году поступила на работу в Институт востоковедения. В 1964 году защитила кандидатскую диссертацию на тему истории буддизма в Шри-Ланке.

В 1974 году Елена Сергеевна с семьёй иммигрировала в США, где в течение 25 лет преподавала русский язык и литературу в Бостонском колледже, Массачусетском технологическом институте и колледже Уэллсли.

Елена Семека — автор многочисленных печатных работ по истории и культуре древней Шри-Ланки и семиотике русской художественной литературы.

www.mgraphics-books.com
mgraphics.books@gmail.com

ISBN 978-1-960533-14-2

9 781960 533142